

УДК 7–04+398+299.4

ББК 6/8–85 + 63.5

Мифология в орнаментике орохонов: символика и семантика образов

Татьяна Юрьевна Сем

(Российский этнографический музей: Российская Федерация,
191186, г. Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1)

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей символики и семантики орнамента одного из малочисленных народов Сибири — тунгусоязычных орохонов Забайкалья, Верхнего Амура и Маньчжурии — как отражения этнической идентичности. Пластический фольклор орохонов характеризует чувственное восприятие мира, космоса, природы и человека в нем. Исследование специфики орохоновского орнамента проводится впервые на основе материалов конца XIX — начала XXI в. из российских и китайских музеев. Изучение орнаментальных мотивов и композиций осуществляется в рамках сравнительно-исторического анализа традиционной и современной духовной культуры. В качестве методов исследования используется иконографический, типологический, семантический и этнокультурный анализ. В статье характеризуются основные типы орнамента (геометрического и криволинейного), распространенные на одежде, утвари, охотничьем снаряжении, луках оленьих седел. В геометрических узорах выделяются полосовой, зигзагообразный, треугольный, ромбовидный, меандровый мотивы, передающие представления о космосе, верхе и низе, мужском и женском началах природы, жизни и смерти, мире людей и мире предков. Они восходят к традициям неолита и палеометалла населения Южной Маньчжурии, связываемого с пратунгусами. В целом орнаментальное творчество орохонов сохранило архетипические образы мироздания тунгусо-маньчжурских народов, древние символы, характеризующие раннее искусство Южной Маньчжурии, и нижнеамурские элементы в качестве этнокультурной памяти потомков и трансляции традиций в современном искусстве.

Ключевые слова: орнамент, мифология, орохоны, символика, семантика, этнокультурные связи.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18–09–00537А.

Дата поступления статьи: 12 марта 2020 г.

Дата публикации: 25 июня 2020 г.

Для цитирования: Сем Т. Ю. Мифология в орнаментике орохонов: символика и семантика образов // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 2. С. 41–50.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.004>

СВЯЗЬ ОРНАМЕНТА С ПРИРОДНЫМ И КУЛЬТУРНЫМ МИРАМИ

Тунгусо-маньчжурские народы в конце XIX — начале XX в. жили в единении с природой, что нашло отражение в их духовной и художественной культуре. Эвенки, орохоны и тунгусоязычные народы Амура

в восприятии мира основывались на своих представлениях о природе, ландшафте, небе, солнце, звездах, растительном и животном мире. Они фиксировали эти представления в фольклоре и ритуалах, а также в орнаменте. Важную роль играли образы божеств и предков, от которых,

по мировоззрению тунгусо-маньчжуров, зависела их жизнь и благополучие, удача в промысле, здоровье, плодovitость. Особое значение в их традиционной культуре имела ритуальная практика, в том числе новогодний праздник, и отражение в ней образа человека. В творчестве ороочонов Забайкальско-Амурского и Маньчжурского регионов можно найти типы орнамента, символически связанные со всеми перечисленными феноменами природной среды и культурной деятельности.

Орнаментальное искусство представляет собой интегральную область культуры, отражающую глубинные чувственные образы прекрасного и бытия человека и характеризующую высшие национальные смыслы традиционного мировоззрения. Поэтому изучение его представляет важную задачу для этнографии.

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Источниками для анализа ороочонского орнамента послужили материалы музейных коллекций России и Китая, а также некоторые публикации. В Российском этнографическом музее содержатся ценные коллекции по сибирским ороочонам в Забайкалье и Южной Якутии 1909–1910 гг. из собрания Д. М. Головачева [РЭМ. Кол. 1922, 1923], в Забайкалье 1913 г. из собрания А. А. Макаренко [РЭМ. Кол. 5093, 6761] и по эвенкам и ороочонам Киндигирского, Чильчагирского и Шамагирского родов в Прибайкалье из материалов Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. М. Г. Левина [РЭМ. Кол. 8761, 8762]. В этих коллекциях хранятся орнаментированные вещи — одежда, берестяная утварь, оленьи седла. Материалы по ороочонскому орнаменту Верхнего Амура на одежде, утвари, предметах охоты и оленеводства собирал А. И. Мазин [Мазин 1984]. В двух китайских альбомах по ороочонам Маньчжурии представлены многочисленные орнаментированные вещи из коллекций Пекинского этнографического музея и Национального эвенкийского музея, главным образом в виде криволинейных узоров и зооморфных образов [Outline 2014; Zhongguo 2016]. Кроме того, материалы были получены после III Тунгусской конференции, прошедшей летом 2019 г., по результатам которой состоялась поездка участников (среди них была

и автор настоящей статьи) в ороочонский поселок Синь Шэн (*Новая жизнь*) провинции Хэйлунцзян в Маньчжурии (КНР). Здесь были осуществлены исследования в ороочонском музее и Доме культуры.

Специальное изучение ороочонского орнамента ранее не проводилось. Настоящая статья посвящена рассмотрению типов и мотивов орнамента ороочонов с целью анализа их иконографии, символики и семантики в сравнительно-историческом аспекте.

Методологической основой статьи послужили работы известных отечественных и зарубежных искусствоведов и этнографов в области изучения традиционного орнамента народов Сибири как исторического источника (С. В. Иванов, Н. В. Кочешков, П. Я. Гонтмахер, Т. А. Кубанова, М. В. Осипова) и сравнительные работы по искусству народов мира (Primitive Art Ф. Боаса, сборники «Ранние формы искусства», *Il volo dello sciamano: Simboli ed arte delle culture siberiane*). Основными методами, используемыми в работе, являются иконографический анализ, типологический метод, метод семантических исследований и этнокультурное изучение орнаментального искусства на базе сравнительно-исторического исследования традиционной и современной культуры ороочонов.

ТИПОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА ОРНАМЕНТА ОРООЧОНОВ

В орнаментике ороочонов большое распространение имели геометрические узоры, сочетавшиеся с криволинейными орнаментами разного вида. Причем у сибирских ороочонов преобладал геометрический орнамент, а у маньчжурских — криволинейный в сочетании с полосовым.

В искусстве ороочонов геометрические узоры состояли из полосового, зигзагообразного, ромбовидного, треугольного, кругового, угольного, арочного и меандрового мотивов, каждый из которых имел свою этнокультурную символику.

Полосовой орнамент встречается у ороочонов на повседневной одежде обычно в виде двойных полос на полах, воротнике, подоле, обшлагах рукавов, а также на ноговицах, головных уборах и нагрудниках [РЭМ. Кол. 1922–1, 5093–88а; Zhongguo 2016, 26–27] (обл. 3). Сохранился он на ритуальной шаманской одежде

Илл. 1. Женская коробка для принадлежностей рукоделия с полосовым орнаментом. Ороичоны Забайкалья. РЭМ. Кол. 8762–19233

Fig. 1. A woman's box for needlework accessories with striped decoration. Orochons from the Transbaikalian Region. Russian Museum of Ethnography. Col. 8762–19233

орочонов Верхнего Амура и Маньчжурии [Outline 2014, 168–169; Zhongguo 2016, 2–4]. Также полосовой орнамент распространен на костяных и деревянных луках оленьих седел [РЭМ. Кол. 1922–68], оленьей упряжи [Zhongguo 2016, 124–125] и переметных сумках ороичонов Забайкалья [РЭМ. Кол. 8762–20375/1–2] и Верхнего Амура [Мазин 1992, 128]. Он часто покрывал женские круглые коробки *муручун* в виде 3–11 параллельных круговых полос чередующихся красного и синего цветов [РЭМ. Кол. 8762–19233; Zhongguo 2016, 7, 59] (илл. 1). Полосовой орнамент восходит к глубокой древности — эпохе неолита в Южной Маньчжурии, прародине тунгусо-маньчжуров, где украшал керамику [Алкин 2007, 118, 157, 165]. Символика этого орнамента соответствовала уровням мироздания — космоса. Аналогичную космическую символику имеют ритуальные кубки для питья кумыса *чороны* у якутов, украшенные круговым многоуровневым орнаментом [Романова 1994, 39]. Можно предположить в их декоре древнее тунгусо-маньчжурское влияние.

Сочетание красного и синего цветов на полосовом круговом орнаменте одежды ороичонов, в том числе ритуальной, коробках и луках оленьих седел отражает представление об оппозиции жизни и смерти, мире людей и мире предков и духов. Подобное предположение основывается на символике двусторонней раскраски лица и тела (в красный и синий цвета) шаманских идолов родственных ороичонам

тунгусоязычных народов Приамурья и Приморья — нанайцев и ороичей, а также на цветовой дихотомии шаманской одежды эвенков [РЭМ. Кол. 2245–32, 303, 334, 8630–8; РЭМ. Кол. 2245–118].

Вторым по значению среди геометрических узоров ороичонов были зигзагообразные параллельные линии либо их вариант — арочные узоры. Их обычно наносили на берестяную утварь [Outline 2014, 92, 97] и одежду [Иванов 1963, 302], а также костяные луки оленьих седел [Zhongguo 2016, 108; Мазин 1992, 144, 148]. В ритуальной шаманской практике всех групп эвенков зигзаг символизировал переход между мирами, открывал и закрывал проходы в верхний и нижний миры, считался оберегом от злых духов [Иванов 1954, 129–130, 166–168; Сем 2017, 164]. Этот тип орнамента встречается на керамике у средневековых тунгусо-маньчжуров — *чжурчжэней* в виде вертикальных полос [Медведев 1977, 181] и происходит от украшения неолитической керамики Южной Маньчжурии [Алкин 2007, 115, 147, 163].

Крестообразные фигуры, расположенные поодиночке в круге или четырех овалах, а также в виде полосы орнамента в сочетании с изображением птиц, были характерны для утвари ороичонов [Outline 2014, 90, 92, 94]. Кресты нередко встречаются на шаманских бубнах [РЭМ. Кол. 5589–41] и шаманских костюмах разных групп эвенков [РЭМ. Кол. 5589–36, 8762–8620, 6957–2] и символизируют космос.

Большое значение в орнаментике утвари ороичонов имел меандр, причем в нем присутствовали разнообразные элементы: Т-, Г-, П- и Z-образный, прямой или косой угол, геометризованный S-образный, спиралевидный, трапециевидный [Outline 2014, 90, 96–97, 208]. Семантика меандрового орнамента, судя по изображению на погребальных сооружениях тунгусоязычных народов Нижнего Амура (нанайцев, ульчей), была связана с границей жизни и смерти, переходом к предкам и возрождению [Сем 1997, 221–237]. Полагаем, что у ороичонов имелась та же символика меандра. Истоки этого узора у ороичонов и нанайцев восходят к меандровому орнаменту на керамике эпохи бронзы Восточно-Азиатского региона [Ларичев 1978, 8–9].

К геометрическим узорам ороичонов и манегров относятся изображения

Илл. 2. Берестяная коробка с трилистником. Манегры р. Зеи. РЭМ. Кол. 4216–77аб

Fig. 2. A birch-bark box with a trefoil. Manegry from the Zeya River. Russian Museum of Ethnography. Col. 4216–77ab

трилистников (илл. 2) на утвари [РЭМ. Кол. 4216–77аб] и шаманской одежде [РЭМ. Кол. 4216–489]. Очевидна их связь с сакральными сферами космического пространства, так как они размещались на трех клапанах шаманской одежды манегров, ороحوнов и солонов, которые служили проходами по трем мирам Вселенной [На грани миров 2006, 124–125].

На одежде у енисейских эвенков, коврах и утвари ороحوнов Маньчжурии встречаются одно- и двунаправленные треугольники и ромбы [Zhongguo 2016,

Илл. 3. Берестяная коробка с изображением ромба — символа Полярной звезды. Орохононский музей. Фото автора, 2019 г.

Fig. 3. A birch-bark box with the image of a rhombus, symbol of the Polar Star. Orochon Museum. Photo by the author, 2019

177, 70–73]. Данный мотив существовал со времен неолита в Южной Маньчжурии [Алкин 2007, 165]. Скорее всего, он имел определенную смысловую нагрузку: мужское и женское начала в природе, которые были связаны в космогонии с верхом и низом Вселенной, небом и землей. Эта символика также известна с эпохи палеолита на территории Прибайкалья [Piotrovski 1985, 19].

Ромб в центре круга с перекрестьем на шаманском бубне енисейских эвенков изображал Полярную звезду, считавшуюся шаманским проходом по мирам Вселенной [РЭМ. Кол. 1767–6, 4871–229, 5589–41; Анисимов 1958, 159]. На одной берестяной коробке из орохононского музея п. Синь Шэн Хэйлунцзянской провинции Китая имелось изображение Полярной звезды с кругом и восьмилучистой звездой в центре (илл. 3).

У орохонов Маньчжурии наиболее популярным является криволинейный тип орнамента, включающий спиралевидный, сердцевидный, а также растительный, зооморфный, антропоморфный и солярный узоры.

Спиралевидный узор орохонов в основе имеет различные фигуры — S-образный, Z-образный завитки или гирлянды волнистых завитков. В коллекциях Российского этнографического музея и орохононского музея в Маньчжурии они встречаются на элементах одежды, например нагруднике [РЭМ. Кол. 4216–358], халате, его боковых разрезах и подоле [Outline 2014, 135, 137], утвари [РЭМ. Кол. 5672–4аб]. Особенно много образцов одежды и розеточных образцов с этим мотивом орнамента сохранилось в орохононском музее п. Синь Шэн. В основе спиралевидных узоров содержится идея вечного движения в мироздании, постоянного роста растений, а в основе S-образных элементов — представления, связанные с культом солнца. Повторяющиеся в одном направлении завитки на современных вышивках воспроизводят волну.

Антропоморфные изображения в орнаменте орохонов обычно образованы с помощью парных спиралевидных узоров или кругов. Интересным образцом является вышивка антропоморфной личины в виде двух завитков с хвостиками [Zhongguo 2016, 95] — символами двух птиц. В мифологии они связаны с сюжетом первотворения земли, птицами верха и низа мира,

Илл. 4. Орнамент из бумаги с изображением ритуального хоровода антропоморфных фигур. Ороchonский музей. Фото автора, 2019 г.

Fig. 4. A paper ornament with the image of a ritual dance of anthropomorphic figures. Orochon Museum. Photo by the author, 2019

имеющими аналогии с неолитическими петроглифами Нижнего Амура [Окладников 1971, 241]. Также на одном кисете есть вышивка рожениц в виде ступеней парных завитков [Zhongguo 2016, 100]. Она схожа с орнаментом на берестяных коробках нанайцев [Сем 2015, 293]. Этот тип орнамента восходит к рисункам на писаницах эпохи бронзы Центральной Азии [Новгородова 1989, 95–101].

Разнонаправлено расположенные двойные спиралевидные узоры в сочетании с сердцевидным орнаментом лежат в основе мужских и женских фигур. Эти узоры встречаются на женских сумочках, берестяных коробках, луках оленьих седел [Zhongguo 2016, 115]. Солнце и дерево в основании одной женской фигуры на луке оленьего седла [Там же, 119] указывают на богиню-хозяйку солнечного дерева жизни [Сем 2015, 280–324]. Мужские фигуры более лаконичны в исполнении — в виде S-образных, сердцевидных либо X-образных фигур [Zhongguo 2016, 98, 111]. Это не просто человек, но фольклорный герой-богатырь Иркисмондя Мата.

С помощью сочетания четырех мужских и четырех женских фигур в одном орнаменте в круговой розетке на крышках берестяных коробок ороchонов Маньчжурии и Верхнего Амура [Мазин 1992,

126–127; Outline 2014, 70] представлен круговой танец. Эти фигуры символизируют ритуальный хоровод вокруг костра, исполняемый обычно во время новогоднего праздника. Подобный орнамент встречается в современных ороchонов в аппликативных розетках, хранящихся в ороchонском музее п. Синь Шэн (илл. 4). Этот же тип узора распространен у уильта Сахалина и может свидетельствовать об ороchонском пласте в культурогенезе этого этноса.

Значительное внимание в орнаментике ороchонов уделено растительным и зооморфным узорам, отражающим особое отношение к природе. Образы гирлянд вьющихся растений расположены на поле халата [Outline 2014, 115], сумке [Zhongguo 2016, 92], перчатках [Outline 2014, 124, 133; Zhongguo 2016, 51], берестяных коробках и головном уборе [Outline 2014, 69]. Изображение вьюнка на погребальном сооружении тунгусоязычных народов Нижнего Амура (нанайцев, ульчей) отражает идеи реинкарнации предков в потомках, близкой была идея и у ороchонов [Сем 1997, 228–229]. В декоре некоторых лук оленьих седел ороchонов используются образы деревьев [Outline 2014, 75; Zhongguo 2016, 115, 117, 119], а берестяных круглых коробок — цветов и кустарников. В ороchонском музее п. Синь Шэн хранится интересное современное панно в виде круга с орнаментом дерева. По иконографии оно напоминает изображение священного дерева древних когуресцев с круглым зеркалом *толи* на погребальном сооружении [Джарылгасинова 1972, 42].

В орнаментальном творчестве ороchонов Маньчжурии весьма разнообразны зооморфные орнаментальные мотивы, выполненные в криволинейном стиле (птицы, парнокопытные, хищники, земноводные, пресмыкающиеся), каждый из которых связан с традиционной картиной мира и мифологией этого народа.

На берестяной утвари ороchонов встречаются как схематично изображенные летящие птицы [Outline 2014, 138, 148–149], так и хорошо распознаваемые — орлы, утки, лебеди, вороны, совы, гуси и гагары. На берестяной овальной коробке можно увидеть двух орлов и хоровод женских фигур [Там же, 95]. Особое значение в мифологии имели водоплавающие птицы, с которыми были связаны сюжеты

творения мира, — утки, лебеди, гагары. В украшении берестяной круглой коробки использованы фигуры лебедей [Zhongguo 2016, 184]. Голова гагары вышита на воротах женского левополого халата [Outline 2014, 136]. В шаманизме в качестве духов-помощников выступали орлы, вороны, совы и гагары, связанные с различными сферами мироздания. Особенно эффективна фигура летящего ворона, выполненная в криволинейном стиле и раскрашенная разными цветами на берестяном женском портфельчике [Outline 2014, 82–83; Zhongguo 2016, 191, 192, 183]. Также весьма выразительна аппликация, представляющая голову совы в виде сердцевидной фигуры с парой спиралей-глаз, на носке обуви [Outline 2014, 123]. В эвенкийском фольклоре образ ворона связан с сюжетом добывания живой воды [Василевич 1936, 169]. Сова у эвенков считалась духом-охранителем шаманского мольбища.

Популярными изображениями на предметах охоты (манках, заспинных дощечках) и берестяной утвари были фигуры парнокопытных — лосей и оленей с ветвистыми рогами [Outline 2014, 18–19, 78; Zhongguo 2016, 177, 179]. Наиболее ярко выглядят олени, идущие по кругу, красного цвета на синем фоне [Zhongguo 2016, 180]. Олень и лось в мифологии эвенков и эвенков символизировали космос [Эвенкийские сказки 1971, 9–13; Роббек 1986, 78–84]. Они являлись воплощением одних из главных шаманских духов-помощников. С образами оленя и птицы была связана символика шаманского костюма и бубна, полета по мирам [РЭМ. Кол. 8761–8607/1–3; Сем 2017, 146–151, 191]. Анализ материалов ороchonского музея и дома культуры п. Синь Шэн показал, что образ оленя с ветвистыми рогами был многократно растиражирован как в традиционной культуре, так и в современной сувенирной продукции. Отметим, что образ оленя с ветвистыми рогами и солнцем встречается на писаницах Маньчжурии [Забияко 2015, 237–240]. Этот же образ как наиболее ранний зафиксирован на неолитической керамике Южной Маньчжурии [Алкин 2007, 102, 107].

Среди хищников почетное место в орнаменте ороchonов занимали тигр и медведь. На круглой берестяной коробке ороchonов Маньчжурии можно увидеть тигра в обрамлении растительных узоров

в сочетании с уткой и олененком [Outline 2014, 75]. Возможно, в данной композиции использованы какие-то мифологические сюжеты. Тигр в шаманстве ороchonов имел особый статус, его изображали на шаманском костюме как главного шаманского духа-покровителя. На берестяной цилиндрической коробке помещен рисунок медведя [Zhongguo 2016, 185]. У эвенков и забайкальских ороchonов его образ был связан с представлениями о шамане как воплощении божества грома [Сем 2017, 39] и о шаманском костюме для путешествия в нижний мир [Мазин 1984, 163–169, 193].

К образам земноводных, встречающихся в орнаменте ороchonов, относятся ящерица и лягушка. На боковом украшении переметных сум на оленьем седле ороchonов нарисована ящерица [Zhongguo 2016, 63], которая воспринималась в шаманстве эвенков в качестве духа-помощника шамана при путешествии в нижний мир, ее нередко размещали на колотушках [Сем 2017, 171].

Аппликация в виде лягушки размещена на большом пальце перчаток в сочетании с растительным и сердцевидным орнаментами [Outline 2014, 124]. В ороchonском музее п. Синь Шэн представлено большое количество ажурных разноцветных розеток с криволинейным сложным орнаментом, в том числе фигуры двух лягушек и зародышей, связанные с идеей плодородия и рождения. В космогоническом мифе ороchonов Верхнего Амура лягушка достает землю из вод первозданного океана и поддерживает ее [Мазин 1984, 19–20]. Судя по расположению на большом пальце, символика лягушки у эвенков-орочонов, по-видимому, была связана также с жизненными силами, с представлениями о местонахождении души. Данные представления были широко распространены у тунгусоязычных народов Амура и Приморья — нанайцев и удэгейцев [РЭМ. Кол. 1870–38; На грани миров 2006, 181–182; Сем 2015, 362].

Важную роль в традиционной орнаментике и символической ороchonов играли змея и дракон. Их фигуры встречаются на берестяной утвари, луках оленьих седел, переметных сумках, женских сумках. Так, например, трехглавую змею поместили на переметной суме [Zhongguo 2016, 64–65]. Четыре змеи, каждая из которых свернута в круг, были расположены по четырем

сторонам центральной части крышки прямоугольной берестяной коробки [Outline 2014, 74]. На костяной луке оленьего верхнего седла размещена фигура извивающейся змеи на фоне луны в обрамлении арочного узора — символа верхнего и нижнего миров [Zhongguo 2016, 117]. Образ змея на ороченских берестяных коробках и луках оленьих седел представлен в виде цепочки ромбов как имитации шкуры змеи [Там же, 108]. Космический змей в мифологии верхнеамурских ороочонов был творцом мира [Мазин 1984, 19–20]. В шаманизме забайкальских эвенков это главный дух-помощник [Сем 2017, 205–206]. На шаманском бубне ороочонов Маньчжурии тремя цветами проведены три зигзагообразные линии — три змея (красный, желтый и черный), символы трех миров Вселенной [Zhongguo 2016, 6]. Образы драконов часто встречаются в орнаменте ороочонов Маньчжурии. В музее п. Синь Шэн имеется берестяная коробка, на крышке которой можно увидеть четыре личины драконов и четыре фигуры летящих птиц. Отметим, что изображение лучистой головы дракона имеет древнюю традицию на Нижнем Амуре — их можно увидеть на священных камнях эпохи неолита п. Сакачи-Алян [Окладников 1971, 254, 271]. Фигурки дракона из нефрита были найдены археологами и на раскопках неолитических культур Южной Маньчжурии [Алкин 2007, 67–69, 119, 158–161]. На современной картине ороочонов Маньчжурии, продолжающих традиции предков, фигура дракона была сделана из бересты и помещена на темном фоне.

Еще один знак, распространенный в орнаментике ороочонов и всех групп эвенков, — солнце. На крышках круглых берестяных коробок оно присутствует в виде круга с лучами (иногда в сочетании с оленями, идущими вокруг него) или многоугольной крестообразной цветочной розетки [Zhongguo 2016, 176, 182]. Образ солнца также воспроизводится на круглых концентрических меховых ковриках эвенков и ороочонов [Там же, 88–91]. Все это подтверждает тот факт, что

у эвенков и ороочонов был распространен культ солнца. С ним были связаны мифологические представления о сюжете космической охоты [Мазин 1984, 8–9; Сем 2015, 298–299].

ВЫВОДЫ

Орнамент ороочонов представляет собой отражение чувственного восприятия мира, природы и человека, сохраняет этнокультурную память предков. Геометрические мотивы в этих орнаментах имеют космическую символику, воспроизводят представления о верхе и низе мироздания, о мужском и женском началах природы, оппозиции жизни и смерти, мире людей и мире духов. В криволинейном узоре, распространенном в большей степени у маньчжурских ороочонов, широко бытуют зооморфные и антропоморфные мотивы, связанные с мифологией и шаманством. В орнаментальных сюжетах народа сохранились отдельные фигуры духов — покровителей шаманов, солярные знаки, знаки четырех сторон света, изображения круговых танцев; они свидетельствуют о важной роли культа солнца. Орнаментальные мотивы и композиции ороочонов России и Китая отличаются богатством форм и сохраняют архаичную символику, воплощенную в шаманстве, мифологии и культурной практике.

В этнокультурном отношении в орнаментах сочетаются общетунгусские и нижнеамурские элементы у маньчжурских и верхнеамурских групп ороочонов, что объединяет их в одну общую амуроманьчжурскую группу и свидетельствует об их южноманьчжурском прагунгусском происхождении.

Современные образцы орнаментов ороочонов Маньчжурии на различных видах одежды, утвари, панно, сувенирах содержат древние мифологические и иконографические прототипы криволинейных, розеточных, зооморфных узоров, отражающих традиционное мировоззрение предков и транслирующих этнокультурную память потомкам.

Источники и материалы

Алкин 2007 — Алкин С. В. Древние культуры Северо-Восточного Китая. Неолит Южной Маньчжурии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. (История и культура Восточной Азии).

Василевич 1936 — Василевич Г. М. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1936.

Джарылгасинова 1972 — Джарылгасинова Р. Ш. Древние когуресцы (к этнической истории корейцев). М.: Наука, 1972.

Ларичев 1978 — *Ларичев В. Е.* Неолит и бронзовый век Кореи // *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла.* Новосибирск: Наука, 1978. С. 9–87. (История и культура Восточной Азии).

Мазин 1992 — *Мазин А. И.* Быт и хозяйство эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1992.

Медведев 1977 — *Медведев В. Е.* Культура амурских чжурчженей: Конец X–XI век: (По материалам грунтовых могильников). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977.

На грани миров 2006 — *На грани миров. Шаманизм народов Сибири: (Из собрания Российского этнографического музея. Санкт-Петербург: Альбом).* М.: Художник и книга, 2006.

Новгородова 1989 — *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989.

Окладников 1971 — *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971.

Эвенкийские сказки 1971 — *Эвенкийские сказки / Сост. С. А. Садко.* Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1971.

Outline of collection 2014 — *Outline of collection of Cultural Relics of the Ewenki, Oroqen and Hezhen Peoples in China.* Beijing, 2014.

Piotrovski 1985 — *Piotrovski I. I.* Jagdlager des Palaolithikums in Malta // *Rentierjager und Rentierzuchter Sibiriens fruher und heute.* Duisburg, 1985. P. 8–19.

Zhongguo shaoshu 2016 — *Zhongguo shaoshu minzu wenwu tudian. Zhongguo minsu bowuguan dongbeiyi xunlu minzu wenhuajuan.* (Иллюстрированный словарь памятников материальной культуры китайских малых народов. Музей национальностей оленеводов Северо-Восточной Азии). Шэньян: Изд-во Ляонин миньцзу чубаньшэ, 2016. (На кит. яз.).

Исследования

Анисимов 1958 — *Анисимов А. Ф.* Религия эвенков в историко-генетическом изучении

и проблема происхождения первобытных верований. М.; Л.: АН СССР, 1958.

Забяко 2015 — *Забяко А. П.* Олень-солнце на петроглифах Сянлушань // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* Т. 21. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2015. С. 237–240.

Иванов 1954 — *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.: (Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости) // *Труды Института этнографии.* Новая серия. М.; Л.: АН СССР, 1954.

Иванов 1963 — *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л.: АН СССР, 1963.

Мазин 1984 — *Мазин А. И.* Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1984.

Роббек 1986 — *Роббек В. А.* Изображение оленя в мифах эвенков // *Фольклор и этнография народов Севера.* Л.: ЛГПИ, 1986. С. 78–84.

Романова 1994 — *Романова Е. Н.* Якутский праздник Ысыах. Истоки и представления. Новосибирск: Наука, 1994.

Сем 1997 — *Сем Т. Ю.* Знаки перехода в погребальном обряде тунгусоязычных народов Амура // *Культура народов Сибири: Матер. Третьих Сибирских чтений.* СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 221–237.

Сем 2015 — *Сем Т. Ю.* Картина мира тунгусов: пантеон: (Семантика образов и этнокультурные связи): Историко-этнографические очерки. СПб., 2015.

Сем 2017 — *Сем Т. Ю.* Шаманизм эвенков по материалам Российского этнографического музея. 2-е изд. СПб.: Изд. центр «Гуманитарная академия», 2017.

© Т. Ю. Сем, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сем Т. Ю. <https://ordic.org/0000-0003-3306-3481>

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея: Российская Федерация, 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1; тел.: +7 (921) 744-97-08; e-mail: semturem@mail.ru

Mythology in the Ornamentation of the Orochons: The Symbols and the Semantics of the Images

Tatyana Yu. Sem

(Russian Museum of Ethnography: 4/1, Inzhenernaya str.,
St. Petersburg, 191186, Russian Federation)

Summary. *This article analyzes the symbolism and semantics of the ornaments of one of the "small peoples" of Siberia — the Tungus-speaking Orochons of Transbaikal, the Upper Amur and Manchuria — as a reflection of their ethnic identity. For the first time, the article investigates the specifics of Orochon ornamentation — designs on clothing, utensils, hunting equipment, saddles, etc. — based on material from the late 19th — early 21st century in Russian and Chinese museums. The plastic folklore of the Orochons reflects their sensory perception of the world, of space, nature, and man's place in it. The author considers ornamental motifs and composition within a comparative historical framework, considering both traditional and modern spiritual culture. Iconographic, typological, semantic, and ethno-cultural analysis are used as research methods. The article describes the main types of ornament, both geometric and curved. Geometric patterns include stripes, zigzags, triangles, diamond-shapes, and meandros border motifs that represent ideas of the Cosmos, top and bottom, male and female natural principles, life and death, the world of people and the world of ancestors. They derive from Neolithic and paleo-metallurgical traditions of the inhabitants of southern Manchuria, associated with the Proto-Tungus. In general, Orochon ornamental art preserves archetypal images of the Tungusic and Manchurian peoples' Universe, ancient symbols that characterize the ancient art of southern Manchuria; it also features elements from the lower Amur region. These ornaments represent the ethno-cultural memory of their descendants and a translation of ancient traditions into modern art.*

Key words: ornamentation, mythology, Orochons, symbolism, semantics, ethno-cultural communication.

Acknowledgements. *The study was supported by grant from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-09-00537A.*

Received: March 12, 2020.

Date of publication: June 25, 2020.

For citation: Sem T. Yu. Mythology in the Ornamentation of the Orochons: The Symbols and the Semantics of the Images. *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 2. Pp. 41–50. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.004>

References

Anisimov A. F. (1958) *Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problema proiskhozhdeniya pervobytnykh verovanii* [The Evenks' Religion in the Historical and Genetic Perspective and the Problem of the Origins of Primeval Beliefs]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. In Russian.

Ivanov S. V. (1954) *Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX — nachala XX v. (Syuzhetnyi risunok i drugie vidy izobrazhenii na ploskosti)* [Materials on the Fine Arts of the Peoples of Siberia in 19th — Early 20th Century (Representational Drawing and Other Types of Planar Image)]. In: *Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya* [Proceedings of the Institute of Ethnography: New Series]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. In Russian.

Ivanov S. V. (1963) *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik (po materialam XIX — nachala XX v.)*. *Narody Severa i Dal'nego Vostoka* [Ornament of the Peoples of Siberia as a Historical Source (Based on Materials of the 19th — Early

20th Century): Peoples of the North and Far East]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. In Russian.

Mazin A. I. (1984) *Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konets XIX — nachalo XX v.)* [Traditional Beliefs and Rituals of the Evenks-Orochons (End of the 19th — Beginning of the 20th Century)]. Novosibirsk: Nauka. In Russian.

Robbek V. A. (1986) *Izobrazhenie olenya v mifakh evenov* [The Image of Deer in the Myths of the Evens]. In: *Fol'klor i etnografiya narodov Severa* [Folklore and Ethnography of the Peoples of the North]. Leningrad: LGPI. Pp. 78–84. In Russian.

Romanova E. N. (1994) *Yakutskii prazdnik Ysyakh. Istoki i predstavleniya* [The Yakut Holiday of Ysyakh: Origins and Views]. Novosibirsk: Nauka. In Russian.

Sem T. Yu. (1997) *Znaki perekhoda v pogrebal'nom obryade tungusoyazychnykh narodov Amura* [Signs of Transition in the Funeral Rite of the Tungus-Speaking Peoples of the Amur]. In: *Kul'tura narodov Sibiri* [Culture of the Peoples of Siberia].

Mater. of the Third Siberian Readings. St. Petersburg: MAE RAN. Pp. 221–237. In Russian.

Sem T. Yu. (2015) Kartina mira tungusov: panteon. (Semantika obrazov i etnokul'turnye svyazi). Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Tungus Picture of World: Their Pantheon. (The Semantics of the Images and Ethno-Cultural Ties). Historical and Ethnographic Essays]. St. Petersburg: Filfak SPBGU. In Russian.

Sem T. Yu. (2017) Shamanizm evenkov po materialam Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya [Shamanism of the Evenks According to Materials

of the Russian Museum of Ethnography]. Second edition. St. Petersburg: Izd. tsentr "Gumanitarnaya akademiya". In Russian.

Zabiyako A. P. (2015) Olen'-soltse na petroglifakh Syanlushan' [The Deer-Sun on the Petroglyphs of Syanlushan]. In: Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and the Adjacent Territory]. Vol. 21. Novosibirsk: Izd-vo IAE SO RAN. Pp. 237–240. In Russian.

© T. Yu. Sem, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Tatyana Yu. Sem <https://ordic.org/0000-0003-3306-3481>

E-mail: semturem@mail.ru

Tel.: +7 (921) 744-97-08

4/1, Inzhenernaya str., St. Petersburg, 191186, Russian Federation

PhD in History, Leading Researcher, Department of Ethnography of the Peoples of Siberia and the Far East, Russian Museum of Ethnography

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)